

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 апреля 2024 г.

Аннотация: историческая роль Российского самодержавия в середине XIX в. стала объектом критики со стороны просвещенных слоев общества. Режим неограниченной власти монарха стал причиной отставания страны в социально-экономическом и культурном отношении от стран западной цивилизации. Стремление преодолеть общественный застой привело монархию к необходимости отменить крепостное право и другие реформы.

Ключевые слова: Россия, самодержавие, кризис, середина XIX в., общество, критика, либеральная идеология.

Abstract: the intellectual circles of the Russian society in the middle of the 19th century opened the widespread campaign of critical estimation of the political role unlimited autocracy. The political regime was responsible for the Russian economic and cultural backwardness at the times of intensive completion with the countries of so-called western civilization. Therefore, the Russian autocratic regime began the crucial policy of peasant emancipation and great reforms.

Key words: Russia, autocracy, crisis, the middle of the 19th century, society, critics, liberal ideas.

На протяжении веков государственная власть в России обладала монопольным правом выбора путей социально-политического, экономического и даже культурного развития страны и населявших ее народов. В эпоху существования империи о реальном партнерстве между обществом и администрацией не могло быть и речи. Многие столетия воля монарха была источником законодательной, исполнительной, судебной и даже духовной власти. Именно такая концентрация делала самодержавие уникальной формой государственности. При этом идеологи российского монархизма искренне считали отечественное государственное устройство оптимальным для своей страны. Высшим достоинством неограниченного самодержавия считалась его внутренняя стабильность. Кроме того, сторонники монархии имели все основания поставить в историческую заслугу российской власти обеспечение ею внешних условий становления империи как великой державы. Самодержавно-крепостническая Россия вышла победительницей в войне с могущественной наполеоновской Францией, после чего более трех десятилетий уверенно играла лидирующую роль в мировой и европейской политике.

Представление о неограниченном самодержавии как о наиболее целесообразной и даже единственно возможной в геополитических и социально-экономических условиях России форме политического устройства лежало в основе монархизма, прочно вошедшего в сознание широких народных масс. Такой народный монархизм на протяжении многих веков был важнейшим компонентом политической культуры российского общества. В исторической публицистике он часто именовался наивным. Однако наивным он был только внешне, поскольку монархический принцип принимался массовым сознанием на веру, без излишней аргументации. По существу же в политическом менталитете русского народа наивного было мало. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в народном сознании были неотделимы, что, в свою очередь, являлось условием морально-политической устойчивости растущего российского общества. Российское самодержавие имело не столько классовые, сколько глубокие народные корни.

Обратной стороной могущества самодержавной государственности являлось замедленное развитие общественной жизни. Внушительная концентрация политической мощи в руках государства обернулась в первой половине XIX в. проигрышем в темпах социально-экономического и культурного развития в сравнении с переживавшими эпоху промышленной революции странами Запада. Поражение в Крымской

войне вызвало тяжелое потрясение всего общественно-политического строя России. Со второй половины 1850-х гг. в стране поднялась волна небывалого прежде общественного возбуждения. Русское общество получило тяжелый удар по самолюбию: десятки лет оно мирилось с недостатком предприимчивости и низким уровнем жизни ради внешнего (главным образом военного) могущества государства. Огромная страна, располагавшая колоссальными ресурсами, в том числе и военными, оказалась не в силах противостоять коалиции западных держав. Между тем со времени крушения наполеоновской империи прошло всего сорок лет. Казалось, что сила и могущество России фатальным образом иссякли за годы торжества николаевской системы.

Фактор внешней угрозы с Запада сыграл решающую роль в развитии внутреннего кризиса самодержавно-крепостнической системы. Без чувствительного военно-политического удара старый режим в России вполне мог существовать и дальше. Во всяком случае, абсолютному большинству помещичьих и крестьянских хозяйств экономический кризис прямо не угрожал. Натуральная и в целом самодостаточная крепостническая экономика рыночной конкуренции особенно не боялась. С робкими же проявлениями политической оппозиции правительство научилось справляться относительно легко. Вот почему для многих мыслящих людей России военное поражение царизма выглядело как освежающая гроза, как тяжелая, но необходимая встряска, побуждавшая к критической оценке положения дел в стране. Подлинными русскими патриотами стыдились униженного положения своего отечества, но при этом не хотели победы Николая I. Военный успех мог бы только задержать проведение назревшей реконструкции режима. Как писал в то время выдающийся русский историк С. М. Соловьев, страшная туча войны не зря надвинулась над Николаем и его делом. Нестерпимо желать победы врагам своей родины, но и победа в тех условиях могла, по мнению историка, рассматриваться как сигнал к дальнейшему сохранению ненавистной авторитарно-бюрократической системы [1, с. 153].

В кругах просвещенного русского общества прежние достоинства режима сразу же обернулись его коренными изъянами – неспособностью обеспечить нужных темпов развития, а значит, общей косностью, отсталостью и застоём. Впрочем, военное поражение стало лишь наиболее очевидным проявлением несостоятельности николаевской системы. Представление о внутреннем неблагополучии страны постепенно распространялось даже в наиболее благополучные для николаевского царствования годы. Проблема российской отсталости постепенно становилась все более злободневной и не могла не привлекать озабо-

ченного внимания просвещенных представителей общества. В скрытом виде она неизменно присутствовала во время острых дискуссий западников и славянофилов.

Поскольку государственная власть превратилась во всеобщего и весьма дотошного надзирателя, постольку долго искать главного виновника застоя не приходилось. Между тем постепенное развитие просвещения создавало условия для проникновения критической мысли в самые разные административные и общественные сферы. Ежегодные выпуски шести российских университетов и других высших учебных заведений неуклонно повышали массу специалистов, склонных к самостоятельному политическому анализу. Со времени начинаний М. М. Сперанского в управленческие структуры все увереннее проходят образованные чиновники. К концу николаевской эпохи просвещенные управленцы еще не определяли состава правительственных сфер, но уже уверенно чувствовали себя на ближайших подступах к высшему государственному руководству. В условиях культа николаевской непогрешимости они пока молчали, но уже в 1840-е гг. А. П. Заблоцкий-Десятовский, братья Н. А. и Д. А. Милютины, С. И. Зарудный и им подобные молодые администраторы приступили к сбору объективной информации о волновавших их проблемах развития страны.

Просвещенные чиновники были, несомненно, носителями новой политической культуры. Они, естественно, остро нуждались в общении, обмене мнениями и координации усилий. Так как политические объединения были совершенно исключены, их взаимное узнавание проходило на научных, экономических, а то и просто великосветских сообществах. Устойчивой популярностью образованных администраторов пользовались, например, Вольное экономическое общество, а также Русское географическое общество. Тематика занятий этих научно-просветительских учреждений позволяла оттачивать представления о возможных перспективах развития России, в том числе с учетом опыта промышленных стран Запада. Конечно, близкие по взглядам чиновники стремились помочь друг другу при замещении вакантных должностей. Особенно настойчиво в этом отношении работали некоторые руководители департаментов Министерства внутренних дел.

Большую роль в распространении нового политического мировоззрения сыграли просвещенные и либерально настроенные представители правящей династии. Прежде всего это относится к великой княгине Елене Павловне, вдове брата императора великого князя Михаила Павловича. Эта сильная характером и широко образованная женщина сумела превратить свой салон в подлинное прибежище чиновных интеллектуалов, начинавших подвергать

критике негативные стороны российской жизни [2, р. 373–387].

В начале 1850-х гг. у прогрессивно настроенных и просвещенных бюрократов появился еще один влиятельный патрон – второй сын Николая I великий князь Константин. Ученик известного флотоводца адмирала Ф. Ф. Литке, Константин Николаевич в начале 1853 г. получил под свое управление Морское министерство. Отличаясь большим честолюбием и склонностью к нововведениям, великий князь скоро превратил свое ведомство в своеобразный полигон для обкатки преобразований в системе управления, комплектования и внутреннего устройства одной из важнейших государственных отраслей. Под управление Константина Николаевича постепенно стягивались способные юристы, специалисты в области военного и морского строительства, начинающие политики. Поиск сановной протекции сочетался с естественным отбором людей со сходными представлениями о ближайших перспективах страны. Исполнительно, но настойчиво в последние годы николаевского правления в бюрократических структурах шел процесс консолидации носителей новой политической культуры. Процессы консолидации просвещенной бюрократии на исходе царствования Николая I подробно освещены в воспоминаниях выдающегося ученого и государственного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского, принимавшего, кстати говоря, самое деятельное участие в подготовке отмены крепостного права [3].

Порожденный военными неудачами всплеск уязвленного национального самосознания сразу же нашел подготовленную почву. В просвещенных кругах общества и администрации начали озвучиваться скрытые прежде мысли. Прежде всего, стала совершенно очевидной беспочвенность утверждений официальных идеологов о качественном превосходстве государственного и общественного строя России перед «одряхлевшим Западом». «Мы с горестью сознаем, – писали в то время К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, – что несмотря на внешнее наше величие, мы перед народами европейскими все еще ученики; мы видим, что еще много и много нам предстоит работы прежде, нежели мы в состоянии будем померяться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира... Видно, еще не совсем они сгнили, это мы слишком больно чувствуем на своих боках» [4, с. 21].

Очевидное преимущество западных соседей в техническом и культурном развитии сразу же стало связываться с острым недостатком общественной свободы, а значит, и с общим курсом государственной политики последних десятилетий. Ощущение глубокой ущербности правительственной политики последних десятилетий было настолько сильным, что

открытую критику режима не смог остановить даже привычный страх перед скорым на суровые репрессии императором. Еще в царствование Николая I в просвещенной части русского общества начала формироваться политическая культура своеобразного самиздата того времени: появились и начали распространяться рукописные произведения с попытками честного и объективного анализа положения дел в стране.

Особенно сильное впечатление на просвещенную публику произвели «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны», созданные известным историком М. П. Погодиным. Как симптом менявшейся политической культуры, письма М. П. Погодина были явлением совершенно исключительным. На резкую критику правительственного курса отважился автор, долгое время считавшийся одним из идеологов николаевского самодержавия, причастный к созданию столь любимой царем теории официальной народности. Читателей не могли не удивить отчаянные сентенции близкого ко двору историка: «Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск, и какие усилия должно было употребить правительство для распространения в народе образования».

Должно было, однако не употребило. И вина за такое бездействие лежит, по мнению Погодина, на сложившейся системе верховной власти. «Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостижимую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля». И эту закрытую от правды модель управления воспроизводят все подчиненные царю министерства и ведомства, начальники которых представляют собой подобие самодержавных государей. «Всякий думает только о снискании благосклонности начальника предположением его мыслей и желаний, предугаданием его намерений... Все они составляют одну круговую поруку, дружеское тайное, масонское общество, чуют всякого мыслящего, для них противного, и поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему, систему бумажного делопроизводства, систему взаимного обмана и общего молчания, систему тьмы, зла и разврата, в личине подчиненности и законного порядка» [5, с. 259–263]. Еще несколько лет назад теория официальной народности предписывала непременное восхваление прошлым, настоящим и даже будущим России, сейчас же причастный к ее созданию историк вдруг обнаружил «ужасное» состояние

Отечества. И это при том, что он рассматривал его только с некоторых сторон. А что было бы, «если бы обозреть все: судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитание, столичную роскошь, взяточничество под всеми его видами, проникнувшее до самого престола?»

Столь тягостное положение страны М. П. Погодин объяснял грубыми просчетами самодержавной власти, вызванными ложным страхом перед возможностью иметь у себя в стране революцию западного типа. Но такая мотивация власти не имела, по мнению историка, реальных оснований. У нас, заявлял он, нет сил, способных на серьезную политическую оппозицию. «Миробо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Мадзини не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы, – перестаньте же возиться около западной почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!» [там же, с. 263].

Это был прямой упрек императору за неверно выбранные приоритеты во внутренней политике. «Восточная стена» угрожала падением из-за явного невнимания к просвещению народа, из-за неразумного стеснения общественных инициатив. Столь резкие и открытые упреки были бы совершенно немислимы в предвоенные годы апогея николаевского самовластия. А в 1854 г. смелые выпады М. П. Погодина не навлекли на него никаких репрессий. Более того, многие представители высшей власти передавали историку слова сочувствия и поддержки, и Николай I ограничился скромным замечанием о том, что публицист, вероятно, по-своему прав, но монарху с высоты трона виднее [1, с. 164].

Такая необычная реакция царя свидетельствовала о том, что он способен был признать правоту основных упреков. В конце своего царствования Николай I убедился в несостоятельности созданной им после декабристского мятежа политической системы. Нерешительность ослабевшего императора свидетельствовала о том, что позиции носителей политического консерватизма были основательно подорваны. И, напротив, зревшие под спудом государственного деспотизма силы общественного обновления определенно вступили в полосу подъема. Публицистический почин М. П. Погодина получил внушительную поддержку. В своем обращении к А. И. Герцену К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин имели все основания заявить: «У нас теперь все пришло в движение; все, что есть порядочного в обществе, устремило

взоры и внимание на исправление внутренней нашей порчи, на улучшение законов, на искоренение злоупотреблений. Мы думаем об том, как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или по крайней мере об ослаблении цензуры» [4, с. 21–22]. Собственно об этом же мечтал и сам А. И. Герцен, основавший в лондонской эмиграции Вольную русскую прессу еще в конце николаевского царствования. К середине 1850-х гг. оппозиционные зарубежные издания наряду с рукописными материалами отечественного происхождения встали у истоков освободительной политической мысли, неуклонно расширяя затем свое влияние и на общество, и на власть.

Для первых оппозиционных выступлений было характерно вполне естественное стремление выявить очевидные ошибки уходящей эпохи. Исторически сложившаяся система самодержавного государственного устройства сама по себе поначалу не вызывала особых сомнений. Зато политика наиболее последовательного самодержца подверглась буквально фронтальной критике. «Главный недостаток царствования Николая Павловича тот, – резюмировал А. В. Никитенко, – что все оно – ошибка. Восставая целые двадцать девять лет против мысли, он не погасил ее, а сделал оппозиционной правительству» [6, с. 67].

Практически все оппоненты Николая I сходились на том, что монарх явно переоценил опасность мятежа 14 декабря 1825 г. В публицистике уже первых военных лет настойчиво звучала мысль о том, что император извлек неверные уроки из восстания декабристов. Сильная и уверенная в себе власть не должна ставить свой политический курс в зависимость от угроз, большую часть которых вообще можно было считать мнимыми. Тем более недопустимо сводить главные цели царствования к исключительному охранительству. «Из опасения, чтобы не повторились у нас явления 14 Декабря, которого однако разительный неуспех явно свидетельствовал о совершенном отсутствии в народе даже тени сочувствия к таким переворотам, меры предосторожности со стороны правительства стали на первом плане и заслонили собой все прочее», – писал в «Мыслях вслух об истекшем тридцатилетии России» критик Н. А. Мельгунов [4, с. 75]. Вместо того, чтобы руководить процессом просвещения и воспитания поданных на лучших примерах культурных и более свободных стран, власть заняла сугубо оборонительную, а потому деструктивную позицию, поскольку резко ограничила возможности роста общественного самосознания. Впрочем, некоторые авторы в таком грехе упрекали не одного только Николая I. О чрезмерной подозрительности самодержавного режима

ко всякому живому и свободному слову заговорили многие публицисты. Адресуясь к Герцену, Кавелин и Чичерин признали: «Система предупреждений политических преступлений дошла у нас до того, что русской мысли нельзя было дышать под невыносимым гнетом. Так для ее развития пропали целые сорок лет мира и спокойствия, когда она могла бы сложиться и окрепнуть в разумную форму» [там же, с. 13].

Серьезный упрек был брошен монарху и за неверную политику по отношению к западным странам. Царя упрекали за чрезмерное самомнение, за грубые просчеты во внешней политике, в результате чего Россия не только оказалась без союзников, но и получила в общественном мнении большинства европейских государств крайне негативные оценки. Конечно, начавшаяся критика николаевской политики не могла быть в тот период взвешенной и объективной. Горечь от унижительных поражений была для этого слишком сильной. В известной степени Николаю I мстила та самая система власти, которую он так ревностно защищал в течение всего своего царствования. Самодержец не желал поступаться авторитарной властью, поэтому ему и не с кем было разделить ответственность за случившиеся со страной невзгоды.

Рисовавшийся обиженным россиянам образ Николая – виновника поражений – был, конечно, не вполне адекватен оригиналу. Реальный самодержец не был безнадежно глух к проблемам развития и обновления своей страны. Хорошо известно, что Николай I тяготился присутствием в российской жизни тяжелой проблемы крепостного права. Еще в 1839 г. шеф III Отделения А. Х. Бенкендорф сделал в своем конфиденциальном отчете красноречивое заявление о том, что крепостное право может сыграть роль пороховой бочки под зданием государства. Едва ли руководитель спецслужбы того времени отважился на столь рискованную фразу, если бы не чувствовал настроения царя. Да и сам Николай высказывал желание устроить процесс над крепостным правом. Однако недостаток ясного представления о возможных последствиях крестьянского освобождения, скрытое, но весьма упорное противодействие планам серьезных нововведений со стороны большинства высших руководителей страны, а также беззастенчивая лесть в адрес монарха по поводу достигнутой им внутренней стабильности государства остановили развитие инициатив в освободительном направлении. Николаю I, иначе говоря, не хватило воли и политического кругозора для принятия мер, в целесообразности которых он, в общем, не сомневался. Ему, конечно, были хорошо известны великосветские занятия либеральных родственников. И он, при всей своей твердости, не стал им мешать.

Впрочем, критиков монарха беспокоили не тайные изгибы николаевской политики. Монарх в любом

случае отвечал в России за все, а за позор национального унижения – в первую очередь. И только монарх мог и должен был возглавить процесс целительного обновления Отечества. Даже упомянутые уже корреспонденты А. И. Герцена не видели в России никакой иной, способной на конструктивные нововведения силы, кроме самодержавной власти царя. Ни о каких общественных альтернативах ей в то время не могло быть и речи. «Если правительство вздумает продолжать идти по тому же пути, ему по-прежнему нечего опасаться ни восстаний, ни заговоров, ни тайных обществ». Но в таком случае силы государства иссякнут сами собой. Правительство просто «загубит страну, иссушит все ее живые соки, и положение наше, внутри и вне, будет еще мрачнее, еще достойнее слез, чем теперь. Бог, история покажет; а люди, русские люди все-таки бунтовать не станут, потому что некому, потому что нет у нас бунтовщиков» [там же, с. 18]. Бунтовщики в России, конечно, были. И очень скоро К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин сами удивятся их количеству. Но в данном случае они передавали господствовавшее общественное настроение – стране в очередной раз остро понадобился монарх-преобразователь.

Сказанное выше может отчасти объяснить, почему свершившаяся в феврале 1855 г. смена царствования стала событием эпохального значения. Надежды сторонников преобразований сразу же сконцентрировались на личности молодого царя Александра II. В развитии общественно-политической мысли наступил исторический перелом. Освободительные мотивы получили новые и решающие стимулы для своего утверждения. Как часто случалось (и случается) в России, приход нового властителя вызвал прилив надежд на перемены к лучшему, в том числе и во взаимоотношениях власти и общества. Правда, общественному мнению было известно, что до восшествия на престол Александр Николаевич не отличался особой склонностью к начинаниям либерального свойства. Нерешительный по характеру наследник был неизменно в тени своего властного отца.

Однако сторонники преобразований имели определенные основания надеяться на молодого императора. Прежде всего, в обществе знали о предсмертном признании Николая I, имевшего мужество сказать сыну о тяжелом состоянии страны, а значит, и о грузе нерешенных проблем, свалившемся на плечи наследника. Кроме того, оптимизм вселяли укоренившиеся представления о мягком и гуманном характере Александра, благотворном влиянии на него воспитательной программы В. А. Жуковского. Принимая престол в драматических обстоятельствах неудачной войны и поднимавшейся волны общественного недовольства, молодой монарх не мог разрушить сложившегося вокруг его имени политико-культурного об-

раза и морально был просто обязан начать инициативы по реализации отцовского напутствия, вопреки даже собственным страхам перед возможными трудностями и при отсутствии четких представлений о конкретном содержании предстоящих преобразований [7, с. 35]. Вокруг Александра II сразу сложилась атмосфера высоких ожиданий. «Мы все, – восклицал в марте 1855 г. Н. А. Мельгунов, – простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь! Наши члены онемели; мы отвыкли дышать свободно. Простор нам нужен как воздух, как хлеб, как свет Божий! Он нужен для каждого из нас, нужен для всей России, для ее процветания внутри, для ее ограждения и крепости извне» [4, с. 149]. Такой порыв не мог не учитываться монархом. Освободительные ожидания подкреплялись частым цитированием известного стихотворного посвящения В. А. Жуковского, в котором поэт-воспитатель выразил надежду на высокую гражданскую и гуманистическую миссию будущего императора.

Острая необходимость в новом политическом мышлении была очевидной. Однако положение Александра II было очень сложным. И он сам, и его ближайшее окружение в начале царствования не имели и не могли иметь сколько-нибудь определенной программы действий. Формулу и алгоритм преобразований еще предстояло найти. Между тем личный опыт императора не отличался большим разнообразием: любые изменения в государственном строе и общественных отношениях не мыслились вне инициатив и руководства верховной власти. Ясно было только одно – самодержавную политическую систему предстояло совместить с ускоренным развитием социально-экономических и культурных процессов. Иначе говоря, к статичной по своему характеру модели политического устройства необходимо было привить динамичную экономику, современное правосознание и культуру в общественной жизни. В сущности, такие политические иллюзии были свойственны Александру II долгие годы. Спустя шесть лет после воцарения в пометах на докладе министра внутренних дел П. А. Валуева он так формулировал задачи своей политики: «Цель движения мною неоднократно была указана и вам и всем прочим министрам. Прежде всего я желаю, чтобы Правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений, и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Вторая же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ Монархического и Самодержавного правительства» [8, с. 292]. Это была вполне естественная для российского монарха позиция. Рисковать исторически сложившимися устоями государственной жизни он не мог, но и стоять на месте тоже.

Начало царствования открыло новую эпоху в политической истории России. Атмосфера всеобщего ожидания была настолько сильной, что уже первые мероприятия приобрели символическое значение. Немедленные нововведения были невозможны, зато вполне доступными оказались шаги по устранению наиболее одиозных атрибутов николаевского правления. Прежде всего, были приняты меры по устранению чрезмерных цензурных ограничений, характерных для последних лет николаевского царствования. Без гласного обсуждения сложившейся в стране ситуации и способов избавления от наиболее очевидных недостатков нельзя было поставить точного диагноза социального недомогания страны, а значит, и выработать программу правительственных действий. Кроме того, широкое распространение рукописных памфлетов, а также подготовленных А. И. Герценом в Лондоне изданий «Вольной русской прессы» оставляло не у дел старую охранительную систему в области печати. 6 декабря 1855 г. состоялось закрытие печально известного бутурлиновского комитета о печати, с деятельностью которого в сознании современников связывалась «эпоха цензурного террора».

Такое движение власти дало мощный дополнительный толчок развитию политической публицистики. Широкую известность в обществе приобрели энергично составленные записки К. Д. Кавелина, К. С. Аксакова, А. И. Кошелева, продолжал писать свои «Политические письма» М. П. Погодин. Десятки рукописных текстов с анализом социальных, правовых, финансовых и других животрепещущих проблем русской жизни вполне открыто циркулировали как в общественных, так и в административных кругах. Оживленные дискуссии о путях и способах предстоящих преобразований резко контрастировали с глухим молчанием совсем еще недавних лет. «Здесь, в Петербурге, – писал в начале 1856 г. К. Д. Кавелин, – общественное мнение расправляет все более и более крылья. Нельзя узнать больше того караван-сарая солдатизма, палок и невежества. Все говорит, все толкует вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкует и через это учится. Если лет пять-шесть так продлится, общественное мнение, могучее и просвещенное, сложится, и позор недавнего еще безголовья хоть немного изгладится» [9, с. 210]. Чрезмерный оптимизм кавелинских ожиданий «могучего и просвещенного» общественного мнения сам по себе характерен для начала нового царствования. Выходя после длительного застоя к свету, молодая общественная мысль воспринимала каждое движение власти как залог скорых, благодетельных и, главное, успешных реформ.

Подобные процессы шли не только в столице. «Кто не был свидетелем этой поры, – замечал

И. С. Аксаков, – тому и не представить себе, каким движением внезапно была объята Россия. Откуда ни возьмись, “общественное мнение”, – которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, – явилось такую неодолимой нравственной силой, которой никакая в мире живая, личная власть не могла сопротивляться. Словно неистовством вешних вод прорвало плотину, и помчался бурный мутный поток, неся на хребте – вместо льдин и мусора – протесты, укоры, беспощадную критику прошлого тридцатилетия и бесчисленные предположения реформ» [10, с. 164]. Свободно выраженные мысли были настолько еще непривычны, что они, конечно, производили сильное впечатление на власть, но оставались пока (И. С. Аксаков подчеркнул это не случайно) только нравственным фактором эпохи.

О готовящихся переменах в концепции царствования свидетельствовал и Высочайший манифест 19 марта 1856 г., объявлявший о заключении Парижского мира: «При помощи Небесного промысла, всегда благодетельного России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее, да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных» [11, с. 136]. Крепостническая действительность никак не соответствовала риторике о законах, для всех равно справедливых. Не согласовывалась она также и со стремлениями к просвещению и «всякой полезной деятельности».

Заключение мира закономерно воспринималось как необходимое условие для решения освободительных по отношению к русскому обществу задач. «Хорошо, что мы заключили мир, – заявил императору А. М. Горчаков, – дальше мы воевать не в силах. Мир дает нам возможность заняться внутренними делами, и этим должно воспользоваться. Первое дело – нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол» [12, с. 17]. Чрезвычайно характерная ситуация для политической культуры того времени: министр свободно толкует с царем о ликвидации крепостничества, между тем гласное обсуждение этого вопроса было еще категорически запрещено.

Однако утаить от общества перемены в настроении правящих сфер было невозможно. Первых намеков власти на необходимость внутренних преобразований вполне хватило для бурного подъема общественных настроений. «Как только Крымская война кончилась, все дохнуло новым, более свободным воздухом, все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно еще никогда не думало... Все стали думать, и

думать в одном направлении, в направлении свободы, в направлении разработки лучших условий жизни для всех и каждого», – вспоминал соратник Н. Г. Чернышевского, видный деятель демократического движения пореформенного времени Н. В. Шелгунов [13, с. 191].

Тем временем правительство продолжало подогревать общественный оптимизм. Просвещенные круги общества с энтузиазмом воспринимали известия о снятии ограничений с издания произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, о небывалых прежде высказываниях высших должностных лиц в пользу «разумной гласности», необходимой как для выяснения причин отечественных неурядиц, так и для выбора нужных средств по их преодолению. Еще совсем недавно правительство всячески стесняло периодическую печать, теперь же открыть новый журнал можно было без особых затруднений. В Москве, например, началось издание «Русского Вестника», журнала, вокруг которого либерально настроенный в ту пору М. Н. Катков сумел объединить выдающиеся литературные силы. Славянофилы приступили к изданию журнала «Русская Беседа», а «Современник» Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Н. А. Некрасова стал быстро увеличивать свои тиражи, привлекая читающую публику смелостью тем и самостоятельностью суждений.

Сильное впечатление на общественность произвела амнистия жертв политических преследований минувшего царствования, прежде всего декабристов и петрашевцев. Вчерашние «злодеи» теперь воспринимались как достойные граждане, нравственные качества и политические убеждения которых оказались вполне созвучными новой эпохе. Росту освободительных общественных настроений способствовали и такие меры, как снятие ограничений для университетов по количеству принимаемых студентов, устранение излишних преград для желающих и имеющих возможность выехать за границу. Все эти движения высшей власти так резко контрастировали с прожитой эпохой, что их естественным следствием стало возникновение обстановки чрезвычайных общественных ожиданий и бурного формирования широчайшего спектра социально-политических идей. А. И. Герцен не случайно назвал первые годы после Парижского мира «нашей утренней зарей», «величественной увертюрой», во всем ее «юном, поэтическом, широком, богатом значении. В ней слышались зародыши всей будущей оперы, все ее мотивы... Масса идей, идеалов, вопросов, сомнений, фактов, ринутых в оборот, в общее брожение в продолжение семи лет, изумительна» [14, с. 11].

Однако на первых порах самой заметной и внушительной реакцией общественной мысли стала «беспощадная критика» российской жизни, о которой

так выразительно говорил И. С. Аксаков. Лидер славянофилов и сам деятельно участвовал в подъеме критической волны. В ноябре 1855 г. в одном из своих писем он так оценивал положение дел в родной стране: «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых-мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов-отцов и благодетелей взяточников!.. Чего ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить незаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого законного!» [15, с. XV]. Негодующим набатом звучали широко распространившиеся в рукописном виде стихи еще одного теоретика славянофилов А. С. Хомякова. Преклоняясь перед Богом избранной Россией, он тем не менее восклицал:

«Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданием тяжело;
Своих рабов он судит строго, –
А на тебя, увы! Как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!»

Такого потока обличений, шедших буквально со всех сторон, в России никогда еще не было. Общественная мысль брала своеобразный реванш за долгие и унижительные стеснения. Конечно, критика такого рода страдала эмоциональными пережестами. Если бы положение дел было действительно настолько ужасным, то пришлось бы вслед за П. Я. Чаадаевым признать, что ничего достойного внимания ни в прошлом, ни в настоящем России нет, а будущее не может внушать никакого оптимизма. Спустя годы сторонники преобразований давали гораздо более взвешенную и объективную оценку минувшей эпохе. Современники обращали внимание на успехи в развитии просвещения при министерстве С. С. Уварова, на мероприятия по укреплению правопорядка, на определенный прогресс в развитии промышленности и городской культуры. Негативно относившийся к формализму и казенщине, присущим николаевскому царствованию, Д. А. Милютин тем не менее отмечал: «Однако ж при всем этом было бы несправедливо отрицать громадные успехи, сделанные в это 30-летнее царствование во всех отраслях государственного устройства России; во всем же, что было сделано в этот период, Государю принадлежало личное, непосредственное руководство» [16, с. 326]. Впрочем, на стыке эпох общественности

было не до спокойного анализа только что завершившегося царствования.

Фронтальная критика минувшего правления была, конечно, несовместима с объективным анализом его достижений и провалов. Волна разоблачительной литературы преследовала совсем иную цель. Заинтересованные в переменах круги общественности стремились прежде всего к расчистке строительной площадки для здания будущих реформ. Резкие осуждения недавнего прошлого призваны были убедить как общество, так и властные структуры в абсолютной неотвратимости коренной перестройки всей системы социально-экономических и политико-культурных отношений. Готовилась, иными словами, идейно-психологическая почва для перехода к коренным реформам освободительного характера.

Характерной особенностью начинавшегося общественного подъема был рост надежд на благотворные для судьбы Отечества царские инициативы. Иного, впрочем, не могло поначалу и быть. На исходе самодержавно-крепостнической эпохи русское общество не располагало даже минимальным политическим опытом, а потому и не могло мыслить себя в качестве субъекта государственной жизни. О монаршей воле как главном творце грядущих реформ традиционно рассуждали лидеры славянофилов. Ведущие представители умеренного западничества К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин также не представляли себе скольконибудь существенных перемен без руководства со стороны высшего правительства. «Мы готовы, – заявляли они, – столпиться около всякого скольконибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов» [4, с. 22].

Надежды на преобразовательные возможности монархии разделяли в ту пору и идеологи формировавшейся демократии. Уже успевший заявить о своей готовности защищать интересы крестьянства Н. Г. Чернышевский поначалу тоже не скрывал своих расчетов на просвещенного монарха. Я думаю, заявлял он, «что единственная и возможно лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная ограниченная монархия, но которая понимает свое назначение; что она должна стать выше всех классов и собственно создана для покровительства угнетенных» [17, с. 121].

Самые радужные надежды на молодого императора до начала реформ питали даже «лондонские пропагандисты». А. И. Герцен поспешил обратиться к Александру II фактически сразу после воцарения. Напомнив царю, что его воспитал поэт, которого любила Россия, он выразил пожелание, чтобы молодой государь дал свободу русскому слову, смысл с России «позорное пятно крепостного состояния» и

при этом отдал землю крестьянам [18, с. 273–274]. В тогда еще не опубликованной статье Н. П. Огарева «Что бы сделал Петр Великий?» была высказана не слишком оригинальная для русского сознания мечта о новом царе-преобразователе: «В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки. Тогда бы Россия отдохнула и ожила бы к новой, великой умственной и промышленной деятельности, правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития» [19, с. 321]. Естественно, что в политической мысли того времени конструировался не универсальный образ благодетельного монарха, а только такой, который соответствовал бы желаниям определенного направления. Всеобщие энтузиазм и единодушие, о которых много впоследствии говорилось в либеральной исторической литературе, были в реальности и кратковременны и иллюзорны. Беспредельные надежды на монарха разнородные общественные силы могли питать только до тех пор, пока верховная власть не приступила к конкретным созидательным действиям. Поскольку император никак не мог удовлетворить завышенных ожиданий самых разных общественных сил, постольку оптимизм неизбежно должен был скоро обернуться разочарованием, досадой и даже ненавистью.

В марте 1856 г. в Москве во время встречи императора с представителями российского дворянства прозвучала историческая речь монарха, в которой была объявлена позиция верховной власти по ключевой для будущего страны проблеме крепостного права. Александр II говорил весьма витиевато. Сначала он заявил о том, что слухи о его стремлениях отменить крепостное право лишены оснований. Император как бы успокаивал дворян, убеждая их, что его правительство вовсе не имеет стремлений действовать вопреки интересам. Вместе с этим, он тут же попытался объяснить собравшимся, что сохранять крепостничество в неизменном виде стало опасно и для государства, и для самих дворян. Поэтому решать застарелую проблему все-таки надо и лучше это сделать сверху, чем ждать, пока процесс крестьянского освобождения начнется сам собой снизу.

Император, несомненно, преувеличивал опасности стихийного крестьянского освобождения. Реальной угрозы новой пугачевщины в России тогда не было. Но некоторые тревожные симптомы в поведении крепостного крестьянства и властям, и обществу были хорошо известны. Созывы двух народных ополчений в годы войны (морского и государственного) сопровождалось внушительным ростом антикрепостнических настроений среди крестьян, дви-

нувшихся на защиту родины. Властям пришлось даже силой сдерживать неконтролируемый порыв крестьян-добровольцев, что, вообще говоря, ставило правительство в крайне неприглядное положение. Центральной и местной администрации немалое беспокойство доставляли участвовавшие случаи прямого неповиновения крестьян помещикам, вплоть до физических расправ над последними. И все же не страхи перед крестьянскими бунтами определили содержание царской речи.

Ко времени коронации Александру II и его ближайшим советникам стало ясно, что первоочередной задачей царствования стало решение проблемы ликвидации крепостного права. Однако царю были совсем еще не ясны пути и методы ее исполнения. Предстоящая реформа страшилась своей масштабом: предстояло радикальным образом изменить условия жизни громадных масс сельского населения, да и всей страны в целом. При этом верховная власть понимала, что в своих начинаниях она не может полагаться на сознательную поддержку массовых общественных сил. Развитых и политически организованных слоев собственников в России не было (а при крепостном праве и не могло быть), силы же просвещенных интеллектуалов при сопоставлении их с массой населения и с масштабами грядущих преобразований были просто ничтожны. Самодержавие могло положиться только на силу своего административного аппарата, что, в принципе, было для него делом естественным и привычным. Непривычной была лишь сама задача народного освобождения. Никто не мог дать точного прогноза всех последствий свободы для не привыкшего к ней общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин Н. М. Москва в годы Крымской войны / Н. М. Дружинин // Избранные труды. – М., 1988.
2. Lincoln B. The Circle of the Grand Duchess Yelena Pavlovna. 1847–1861 / B. Lincoln // The Slavonic and East European Review. – 1970. – Vol. 48, № 3.
3. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий : в 5 т. / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – Пг., 1915. – Т. III.
4. Голоса из России : в 9 кн. Кн. 1. – Лондон, 1856.
5. Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 / М. П. Погодин. – М., 1874.
6. Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. / А. В. Никитенко. – М., 1955. – Т. 2.
7. Долбилов М. Д. Александр II и отмена крепостного права в России / М. Д. Долбилов // Вопросы истории. – 1998. – № 10.
8. Власть и реформы : от самодержавной к советской России. – СПб., 1996.

9. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. / Н. П. Барсуков. – М., 1889. – Т. XIV.
10. Аксаков И. С. Сочинения : в 7 т. / И. С. Аксаков. – М., 1886. – Т. 5.
11. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века : в 2 ч. / А. А. Корнилов. – М., 1918. – Ч. 2.
12. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки / А. А. Корнилов. – М., 1909.
13. Шелгунов Н. В. Воспоминания : в 2 т. / Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 1.
14. Герцен А. И. О выходе «Колокола» на французском языке / А. И. Герцен // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1960. – Т. XX.
15. Ранние славянофилы : А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. – М., 1910.
16. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856 / Д. А. Милютин. – М., 2000.
17. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1939. – Т. 1.
18. Герцен А. И. Письмо к императору Александру Второму / А. И. Герцен // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1957. – Т. XII.
19. Литературное наследство : в 113 т. – М., 1941. – Т. 39–40.

*Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru*

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru*